

I

1

Комиссару Дезире Росенквист.

В первый раз я услышала этот звук два месяца назад. Его трудно описать. Как будто кто-то сидит в стене. Звук доносился и не снаружи, и не изнутри, и вряд ли его издавал человек. Но версия полиции, то есть заходивших ко мне недавно двоих молодых парней в форме, кажется, по прошествии нескольких дней, когда я могла обдумать ее, оскорбительной. А тогда я даже не знала, кто такие короеды. Теперь знаю.

Это паразиты, чьи личинки очень долго живут внутри сухой хвойной древесины, вплоть до десяти лет. Потом они, наконец, окукливаются и выбираются наружу. Дерево полностью разрушается изнутри, но снаружи выглядит здоровым. Избавиться от личинок короеда можно, только если сжечь зараженное дерево или обработать здание ядовитым газом.

Вгрызаясь в древесину, они издают отчетливый звук. Они не снаружи и не изнутри, они во тьме.

Арне Даль

Но я слышала не этот звук. Если только меня не преследует мой собственный паразит. Я чувствую, что за мной кто-то охотится.

Я живу очень уединенно. Никто не забредает сюда случайно: ни заблудившиеся туристы, ни любопытные риелторы, ни группы топ-менеджеров, которые притворяются, что отдыхают, принимая участие в соревнованиях по триатлону. Зато много диких животных. Конечно, я сначала решила, что это олень или лось забрел не туда, проломил забор и топчется среди моих растений. Но ни следов на грядке, ни повреждений ограды не обнаружилось. И я знаю, что ни олень, ни лось не могут перебраться через забор. Когда его ставили, я это продумала.

Так что речь может идти только о человеке, а не о животном. Но и люди бывают зверьми. И еще неизвестно, кто из миллионов представителей животного мира самый жестокий. Хотя вроде бы именно мы должны проявлять человечность.

К тому же, по подсчетам ученых, нам известно чуть больше половины из всех обитающих в мире видов животных.

Все-таки, наверное, ко мне пытался тайком пробраться человек. И у него – я исхожу из предположения, что это мужчина – не может быть никакой другой цели здесь на севере, в предгорьях. Сейчас навалило снега, и я обследовала снежный покров, но не нашла никаких доказательств или следов, которые не принадлежат мне самой. И все равно я знаю, что что-то происходит, происходит все время.

Глушь

Кто-то наблюдает за мной.

Я во Тьме.

В девятнадцатом веке от всех замкнутых и ищущих свободы и справедливости женщин отмахивались, как от истеричек. К сожалению, мы и сегодня недалеко от этого ушли. Я знаю, что полиция уже давно считает меня истеричкой, хотя вы и прикрываете это убеждение такими терминами, как «сутяжница» и «любительница теорий заговора». И у вас под рукой уже наверняка готовый психиатрический диагноз. Удачи, скажу я вам. Я надеюсь, вы подавитесь этим диагнозом, когда склонитесь над моим жестоко искалеченным трупом.

Ведь этот человек не желает мне добра.

Меня действительно очень печалит, что никто не верит моим словам. Или еще того хуже, все считают меня сумасшедшей. Я же слышала, каким тоном разговаривали полицейские, которые приходили сюда. Я слышала, как они громко ржали над шуткой про «паразитов», садясь в свою машину. Как будто я неспособна отличить зловредные личинки жучков от злобного взрослого мужика. Как будто я могу спутать издаваемые ими звуки.

Я пыталась уже много раз, но никто меня не слушает. Я и вправду во тьме.

Вы знаете так же хорошо, как и я, что операция «Гладио» была на самом деле, что табачные фабрики в США добавляли в сигареты вещества, вызывающие зависимость. ЦРУ действительно имеет пистолет, вызывающий инфаркт и не

Арне Даль

оставляющий следов, а Церковь саентологии осуществила свою операцию «Белоснежка», несмотря на то что никто не верил, что это правда.

Сама я указывала на то, что Виктор Гуннарссон совершенно точно был замечен на Лунтмакаргатан сразу после убийства Улофа Пальме – это свидетельство записано, – и я лично разговаривала с полицейским, который признал, что два независимых свидетеля видели в тот июльский вечер спортивный автомобиль, принадлежавший местному следователю, около кафе на Чиннекулле.

Еще я неоднократно пыталась донести до вас, что не было ни намека на ДНК Эссама Касима на ноже, найденном в сливном отверстии в Стрёмстаде, а также что Пенни Грундфельт в течение трех лет до убийства Андерса Ларссона под ником DeathStar изливала свою ненависть во Флешбэке. Что рисунок ручкой на бедре Лизы Видстранд даже упоминался в местных газетах, но полиция махнула на это рукой и не изменила мнения о вине Карла Хедблума. И я ознакомилась с электронной перепиской между близнецами Абубакир, в которой упоминаются патроны к тому Ruger Mini 14, который снес голову Санчесу.

Но вам это безразлично.

Я заинтересую вас, только когда меня убьют. Только в виде трупа.

Да, я печатаю на машинке. Я отказалась от компьютера, как только узнала правду об АНБ. Ведь именно поэтому Эдвард Сноуден может скрываться в России – он никогда не пользуется компьютером. Кто-кто, а уж он-то точно пере-

Глушь

жил настоящую ломку от этого отказа, но со всем можно справиться. Я выхожу в Интернет с планшета, хорошо защищенного, но я никогда не пишу ни единого слова на компьютере. Любое из них остается навсегда в огромном облаке и может копироваться, как угодно. Если бы близнецы Абубакир, например, могли прочитать, что я знаю, мне грозили бы настоящие ужасы.

Я опять слышу этот звук, прямо сейчас. Боже мой.

Хуже всего, что он наверняка заберет с собой эти листки. Запачканные моей кровью. Потом избавится от них, не вдумываясь в содержание, как будто оно ничего не значит.

А я ведь пишу своей кровью.

Внешняя стена, внизу, там, где подвал. Неясный звук, как будто кто-то и впрямь движется внутри стены, глубоко в темноте. Но я, разумеется, понимаю, что он снаружи, что он пробирается через снег, лежащий на клумбах. Я только не понимаю, что ему нужно.

Неужели я все-таки случайно разгласила какие-то нежелательные факты до того, как отказалась от компьютера? И теперь оставшийся на свободе преступник чувствует, что мои предположения для него опасны? Или это просто обычный садист, который не имеет других намерений кроме собственно преступления? Взломщик, насильник, профессиональный убийца – мне, собственно говоря, наплевать на то, кто он, но я бы хотела узнать причину.

Я хочу знать, почему я умру.

Арне Даль

Я не хочу вставать, не хочу отрываться от письма. Сумерки наступают все раньше, и они уже спустились, мне кажется, что еще и небо затянуто облаками, потому что за тьмой простирается как бы еще одна тьма.

Снова тот звук. Он переместился. Отрывочные, надоедливые, протяжные звуки вдоль стены, явно все ближе и ближе к входной двери.

Только бы это и впрямь были личинки короеда.

Мой взгляд не хочет отрываться от бумаги. И все же я чувствую, что должна найти выход. Огонек стеариновой свечи слегка трепещет в темноте, как будто вот-вот потухнет. Не слышно ничего, кроме стрекотания моей печатной машинки. В любой другой ситуации оно смогло бы успокоить мои расшалившиеся нервы. Но не сейчас.

Потому что я снова слышу тот звук – быстрое шарканье, резкое поскрипывание. Никогда он не раздавался так близко.

Два месяца я живу с этим. Иногда каждый день, иногда в течение нескольких дней случается невыносимая пауза. Когда я сию секунду слышу все тот же звук прямо у двери террасы, он кажется почти прекрасным. Я бы не выдержала продолжения неизвестности, затянись она еще дольше.

Подвалом я не пользуюсь уже несколько лет, я туда даже не заглядывала все это время. В тот момент, когда я бросаю взгляд в сторону ведущей в подвал двери, ледяной ветер проносится по спальне. И как только слабое пламя свечи гаснет, я слышу

Четверг, 12 ноября, 14:17

Его зовут Бергер. Сэм Бергер. Больше он ничего не помнит. Кроме того, что должен выбраться отсюда. Сбежать.

Он прижался рукой к кухонному окну; оно было настолько холодным, что потная ладонь, казалось, вот-вот прилипнет к стеклу. Он быстро отдернул руку — отпечатки были настолько заметны, что он предположил, что на стекле осталась его кожа.

Первое, что он увидел в окне, было его собственное отражение. Он поднял правую руку, вытянул указательный и средний пальцы, так что кисть стала похожа на двуствольный револьвер.

И выстрелил в себя.

За окном все было белым. Совершенно белым.

Глубокий снег лежал ровным покровом, под которым, возможно, скрывалось поле. И это поле, казалось, простиралось в бесконечность. Вдруг он заметил вдали какое-то движение, там, где уже едва хватало взгляда. Если изо всех сил напрячь зрение, можно было угадать в движущемся у горизонта длинном прямоугольнике автобус.

Ему нужно добраться туда.

Там есть дорога. Дорога на волю.

Дверь его комнаты впервые оказалась приоткрыта, ему удалось ускользнуть в самое правильное время, когда всех сморило после обеда, и он нашел кухню, куда он, насколько ему было известно, до сих пор ни разу не заходил.

Персонал подготовил все необходимое к вечернему кофе. На сервировочном столике стояло несколь-

ко термосов и блюдо с булочками с корицей, накрытое пленкой. Рядом со столиком висело несколько белых халатов.

Он снова посмотрел в окно, подойдя поближе; холод ударил ему в лицо. Он опустил взгляд и посмотрел на свое тело; из-под того, что в других обстоятельствах можно было бы принять за домашние брюки, торчали босые ноги. Он быстро подвигал пальцами — как будто они понимали, что ему без обуви до дороги никогда не добраться.

И все-таки он должен выйти. Должен сбежать. Он просидел здесь слишком долго.

Он слишком долго отсутствовал.

Он заглянул в кладовку. В дальнем углу стояла пара сапог, и он влез в них, хотя, они были ему малы размера на три. Пальцы пришлось подогнуть, но идти получилось. Может быть, получится даже бежать.

Вернувшись на кухню, он услышал за дверью крики, доносившиеся из коридора. Дверь была закрыта — но вряд ли это надолго.

Он схватил все три белых халата, висевших рядом с сервировочным столиком, и сделал несколько шагов к маленькой двери. Боль в согнутых пальцах ног не давала ему расслабиться.

Он натянул на себя первый белый халат, потом второй, но слишком близкий шум в главном коридоре помешал ему надеть третий. Осторожно нажав на ручку двери, он выскользнул в боковой коридор. Как можно тише закрыл за собой дверь и услышал, как распахнулась другая дверь кухни. Пробегая по темному коридору, он старался влезть в третий халат; из-за сапог его обычно проворная походка преврати-

лась в безумное косолапое переваливание с ноги на ногу.

Обычно? Не было никакого «обычно». Уж во всяком случае, не походка. Казалось, он очнулся в совершенно пустом, совершенно белом мире.

В мире без знаков.

То, что казалось воспоминаниями, было ничем иным, как фантомными болями души. Все исчезло, обрублено. Как будто мозг сознательно заметал за собой следы.

И все же он узнал дверь, узнал даже щель, из-за которой последние метры темного коридора были пронизаны холодом.

Он распахнул дверь. Оказался на большой, прямо-таки огромной террасе, как будто она относилась к королевскому дворцу. Однако от снега была расчищена только небольшая квадратная площадка у самой двери. Вся усыпанная окурками.

Наверное, он выходил сюда покурить, когда все еще пребывал во тьме. Наверное, так и было. А как иначе он мог найти дорогу сюда?

Но разве он не бросил курить?

За границей утоптанного квадрата снег лежал метровым слоем. Расчищая площадку, из него вынули куб, так что перед дверью образовалась крутая ступень из плотно слежавшегося снега, ведущая на снежную равнину. До перил террасы оставалось метров шесть, и неизвестно, сколько оттуда вниз до земли.

До поля, ведущего к дороге. К дороге, ведущей отсюда.

Прочь.